

2.4. УРБАНИЗАЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ: ПРОЦЕССЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Сопоставление урбанистической ситуации в России в конце XIX в. и в конце XX в. дает основание считать, что за столетие в стране совершилась урбанистическая революция. Ее результаты весомы, но значительны и недостатки. Российские города отягощены изъянами, полны противоречий, продолжают порождать все новые проблемы, страдают от социальной патологии.

Однако уже тысячелетиями города используются человечеством как проверенное средство организации территории, что с точки зрения географии особенно важно. Города — среда большей части населения России, как и всех развитых стран. В трудной ситуации, в какой к концу XX века оказалась наша страна, именно города с наибольшим потенциалом являются точками роста. Их усилиями поднимутся и отрасли, и районы.

Стремительность урбанизации

Урбанизация в XX в. стартовала с очень низких отметок, что и зафиксировано Первой Всероссийской переписью 1897 г. На территории европейской части РФ имелось 376 городов и 37 посадов, доля городского населения не превышала 15%. Сеть городов была редкой, а сами они — крайне разнородными. К концу XIX в. экономический бум, строительство железных дорог создали основу для быстрой урбанизации. Но города, оказавшиеся вдали от дорог, теряли шансы на развитие и в дальнейшем могли утратить городской статус. Весьма ощутимым был отрыв и Петербурга и Москвы от остальных городов.

Столетие резко изменило урбанистическую ситуацию, удвоив число официальных городов и на порядок увеличив их население (**табл. 2.4.1**). Раньше $\frac{3}{4}$ экономических и $\frac{2}{3}$ статусных городов были весьма малы: до 10 тыс. жителей. Теперь же распределение, как говорят статистики, скорее нормальное: преобладают города умеренных размеров, от 10 до 100 тыс. человек. Малых — по современным представлениям, т. е. насчитывающих до 50 тыс. жителей, — по-прежнему большинство (68%), но проживает в них всего 17% населения всех городов; сто лет назад их доля достигала 45% у официальных городов и 54% у экономических. На группу до 20 тысяч теперь приходится менее 5% горожан, в несколько раз меньше, чем раньше. Число больших горо-

Таблица 2.4.1. Города в 1897 (официальные и неофициальные) и в 1999 гг. по категориям людности в современной Европейской России (без Калининградской и Курганской областей)

	Год	Всего	Число жителей, в тыс. чел.								
			< 5	5–10	10–20	20–50	50–100	100–250	250–500	500–1000	> 1000
Число истинных городов В. П.*	1897	709	386	159	90	50	17	5	–	–	2
Их население, в тыс. чел.*	1897	8902	991	1114	1231	1509	1112	641	–	–	2304
Из них городов по статусу**	1897	323	121	83	55	40	17	5	–	–	2
Число всех статусных городов**	1897	377	142	107	64	40	17	5	–	–	2
Их население, в тыс. чел.**	1897	7280	430	713	864	1238	1120	613	–	–	2303
Число современных городов***	1999	830	12	67	211	278	133	69	31	14	10
Их население, в тыс. чел.***	1999	74607	43	501	3166	9018	9067	10475	11038	9215	22084

* По данным из книги В. П. Семенова, включая города, показанные на его карте, но не вошедшие в списки.

** Население по (Россия..., 1898). Источник, а главное дата определяют расхождения с данными в таблице 2.2.1 из главы 2.2 в части распределения городов по категориям: В. П. исходил из собственной экстраполяции их людности на «настоящее время», более близкое к году издания его книги (1910).

*** По статусу; данные из (Численность населения..., 1999); 5 городов Чеченской республики не распределены по категориям людности и не включены в итоговую цифру населения.

дов (с населением свыше 100 тыс.) увеличилось с 7 до 124, или почти в 18 раз, их население выросло с 2,9 до 52,8 млн человек, а его доля — с 40 до 71%. Немалый вклад в урбанистическое преобразование России внесли новые города. Их около 500, или 59%, т. е. большинство.

У некоторых исследователей советской и российской урбанизации ее качественная сторона вызывает серьезные сомнения вплоть до утверждения о том, что урбанизация была у нас «ненастоящей», что ее подменила индустриализация. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Одна из самых характерных черт советской урбанизации — очень высокие темпы. Это проявилось в нарастании и числа городов, и численности городского населения. Поражают высокие темпы роста больших новых городов. Такие центры, как Магнитогорск, Тольятти, Нижнекамск, Дзержинск, практически «проскочили» стадию малого города. В соответствии с параметрами своей экономической базы они сразу закладывались как большие, как бы рождались такими. Рост старых и возникновение новых городов происходили повсеместно, в разных частях Европейской России (и страны в целом).

Образование и создание новых городов

На протяжении всей своей истории Россия неустанно, непрерывно строила и учреждала новые города. В значительной мере это связано с расширением государственной территории и ее хозяйственным освоением. Примечательно, что самый старый русский город носит имя Новгород. За ним следовали Нижний Новгород, Новая Ладога, Новочеркасск. Казань на первых порах своего существования называлась Новый Булгар, Архангельск — Новые Холмогоры. И в XX веке Россия убедительно подтвердила свое право называться страной новых городов, в названия которых включались соответствующие слова и приставки — от Новониколаевска (Новосибирска) до Нововоронежа и Новоуральска.

Показательна смена главных факторов градообразования. В XV–XVII вв. в ходе расширения государственной территории города создавались как крепости. В XVIII в. города учреждались «по видам управления», как опорные центры территорий, например, во время Екатерининской административной реформы. В XIX в. города стали возникать в результате естественного развития экономики. Правда, немногие из них были удостоены городского статуса: Александровск-Грушевский (ныне Шахты), Иваново-Вознесенск (Иваново), Златоуст, Соль-Илецк, Павловский Пасад.

В XX в. города тоже строились по воле начальства, но теперь в целях реализации экономических программ, причем масштабы строительства новых городов и преобразования в них сельских поселений сильно возросли. Возникает вопрос: нужно ли было ударными методами создавать так много новых городов, что чревато нерациональным «размазыванием» ограниченных средств по огромной территории? Не целесообразнее ли было развивать существующие города, как это происходило в большинстве других стран?

На самом деле во всем мире новые города были особой любовью архитекторов, всегда мечтавших создать город, свободный от старых известных недостатков, и думавших, что градостроительными средствами, рациональной планировкой можно решить острые социальные проблемы. Архитекторы России — не исключение. Но существовали и более веские причины, которые требовали создания большого количества новых городов. В начале XX в. число городов в России и в европейской ее части не соответствовало размерам огромной страны, потребностям в центрах-организаторах. И далеко не все старые города могли служить точками роста, ибо среди них велика была доля экономически хилых и не имевших перспективы. Промышленность (главный градообразователь в период индустриализации) строго экзаменовала города на способность к развитию. Экзамен выдерживался не всеми.

Новые города для России были необходимы для:

а) оснащения территории центрами обслуживания, как градостроительная инфраструктура;

б) более полного использования выдающегося потенциала крупных центров и одновременно для решения их сложных градостроительных проблем¹;

в) вовлечения в использование разнообразных ресурсов (ведь страна была вынуждена ориентироваться на свои собственные ресурсы);

г) создания множества отраслевых промышленных центров, не всегда находивших себе в старых городах нужные условия.

Правда, все бывшие губернские и областные города совершили настоящий скачок в промышленном развитии, тем самым усилив присущую им многофункциональность. Десятки уездных и безуездных городов тоже выросли во много раз, что подтверждают примеры Челябинска, Липецка, Череповца, Старого Оскола, Орска и др.

Новые города часто дополняли скопления, возглавляемые крупными и крупнейшими центрами, их «свиту», что определило переход к следующей стадии эволюции расселения — постгородскому, агломерационному развитию. Это имело для России особо важное значение. Примерно $\frac{1}{3}$ возникших в XX веке новых городов составили категорию городов-спутников. Новые города также активно участвовали в линейностремительных процессах. Формирование цепочек городов на транспортных магистралях, служивших осями урбанизации, осями развития, — не менее характерная черта их пространственного хода в России (хотя гораздо менее изученная, чем агломерационные процессы). На севере новые города создали ареалы освоения, определили характерную для территорий с экстремальными условиями очаговую форму организации производительных сил.

Образование новых городов шло постоянно. Лишь немногие годы не были отмечены такими событиями. Пики же образований городов приходятся на годы, предшествовавшие переписям населения, что отчасти объясняется стремлением привести административный ранг поселения в соответствие с его экономическим значением. Правда, это касалось только довоенных переписей. Максимальное число новых городов появилось в 1938 г., в канун переписи 1939. Процесс образования новых городов не прекращался и даже ускорился во время Великой Отечественной войны, когда в Европейской России было создано почти полсотни новых городов, преимущественно на базе городов-заводов и пристанционных поселков. По периодам новые города распределились следующим образом (табл. 2.4.2).

В среднем число новых городов в послевоенные годы снижалось. Интересно, что за 14 предвоенных лет (1927–40) и за 13 послевоенных (1946–58) возникло одинаковое число городов: соответственно 116 и 115. В конце 1960-х гг. начался спад. Число новых городов снизилось до 1–3 в год, лишь иногда показатель был выше — 4 города в 1971 г., 5 в 1981 и даже 7 в 1989.

¹ В прошлом кроме Петербурга и Москвы города-спутники в своем непосредственном окружении имели лишь единичные крупные центры (например, Ростов-на-Дону, возле которого крымские армяне создали город Нахичевань, вошедший в черту Ростова в 1930-х гг.). Сейчас наоборот: исключением может считаться отсутствие спутников (в ранге города) у крупных центров.

Таблица 2.4.2. Образование новых городов в Европейской России по историческим периодам в XX веке

Периоды	Число образованных городов, всего	Темпы градообразования в среднем
1901–1916	7	около 2 за два года
1917–1926	65	6–7 в год
1927–1940	116	более 8 в год
1941–1945	48	9–10 в год
1946–1958	115	около 9 в год
1959–1991	135	4 в год
1992–1998	23	3 в год

Промышленность — главный фактор урбанизации в Европейской России

Урбанизация России в советское время развивалась на волне индустриализации. Именно промышленность, особенно тяжелая, породила большую часть новых городов. Но она заставляла их расти так стремительно, что рост часто опережал развитие. Усилиями промышленности страна оказалась усеянной городами-акселератами и «полуфабрикатами». С другой стороны, к созданию ряда новых городов было привлечено внимание всей страны. Магнитогорск, Тольятти, Набережные Челны стали вехами в развитии как советской экономики, так и градостроительства.

Распространенность монофункциональных центров, занятых каким-то одним делом, также типична для советской урбанизации. Монофункциональные города экономически неустойчивы, менее эффективны, чем разносторонние, и социально ущербны (в частности, из-за однобокого использования трудовых ресурсов). Они образуют группу остропроблемных городов, чье экономическое и социальное неблагополучие остро проявилось в постсоветское время. Их обилие — существенный недостаток урбанистической структуры Европейской России, в чем особенно повинны промышленность и транспорт. Наиболее характерны узкоотраслевые горнодобывающие (среди них выделяются угольные), энергетические, металлургические, химические, центры отдельных видов переработки древесины, машиностроения, пищевой или легкой индустрии (самые распространенные — текстильные). Узкой специализацией могут отличаться также порты, железнодорожные и железнодорожно-водные узлы.

Часть подобных городов унаследована от прошлого, как, например, текстильных в Старопромышленном Центре. В разных частях России «моногорода» образуют своего рода территориальные корпоративные группы. Ивановская и соседние с ней области

выделяются семейством текстильных городов. На Севере, Северо-Западе, в северной части Центрального района распространены деревообрабатывающие и целлюлозно-бумажные, в российской части Донбасса и в Мосбассе — угольные города-шахтеры.

Распространение узкоотраслевых городов в Европейской России объясняется несколькими причинами. Прежде всего, сказываются экстремальные природные условия на Крайнем Севере. Еще одна причина — закрытый характер городов, развившихся на основе отдельных подразделений военно-промышленного комплекса. Ведомственность вообще во многих случаях препятствовала комплексному развитию. Именно в ЗАТО это проявилось особенно сильно (рис. 2.4.1). Влияет и развитость агломераций, условия которых позволяют городам быть узкоспециализированными (тогда недостатки этого ослабляются возможностью использовать потенциал соседей и прежде всего центрального города как места приложения труда, повышенного спроса, средоточия услуг).

Рис. 2.4.1. Закрытые города Европейской России в 1998 г.

Монофункциональные города отличает жесткая привязанность к породившему их предприятию. Это придает поселению *поселковость*, делая его селитебным приложением к фабрике или заводу. Планировочная структура их предельно проста. Центр, если он выражен, расположен прямо у проходной. У жителей городской труд часто сочетается с сельским образом жизни.

На промышленные производственные ритмы накладываются ритмы сельскохозяйственных. Застройка — усадьбы с палисадниками, сараями, огородами. На улице штабеля дров, копны сена, бродят козы, бычки, куры, гуси. Участок улицы перед домом — продолжение двора. Предприниматель строил фабрику в сельской местности, учитывая транспортные условия, наличие топлива, а также стоимость рабочей силы, характер расселения, трудовые навыки жителей, связанные, скажем, с кустарными промыслами. Обосновывавшаяся на селе фабрика оставляла своих рабочих крестьянами по внефабричным занятиям, образу жизни, суждениям и привычкам. Такие поселки еще В. П. называл фабричными усадьбами.

Сохранению этого типа поселений, независимо от статуса и в известной мере от людности, очень способствовала монофункциональность. В современном городе-заводе тоже слабы внутренние контакты и сужены внешние связи. Даже при значительных размерах он в сущности остается поселком. В ряде случаев средние и даже большие (по статистике) города складывались как конгломерат поселков, возникших достаточно обособленно при разных промышленных предприятиях. Так, город Копейск Челябинской области (73,2 тыс. жит.) состоит из 22 поселков, вытянувшихся полосой в 55 км.

Следует заметить, что город — по самой своей природе — стремится к постоянному обогащению функциональной структуры. Даже узкопрофильные центры, будучи не более чем эмбрионами города, это стремление также проявляют. Курс на многофункциональность — отчетливая тенденция в развитии российских городов.

В этом процессе огромную роль играла та же промышленность. Она служила тем стержнем и ядром, вокруг и под воздействием которого разворачивалась функциональная структура. Промышленность обростала проектно-конструкторскими бюро, научными и учебными заведениями². С ее помощью создавались дома культуры, театры, музеи, библиотеки (не говоря о жилье, объектах коммунального хозяйства), ведь развитие социальной сферы индустриального города финансировалось через индустрию. Развитие по такой схеме дало в XX в. неплохие результаты, что показывают примеры Иваново, Липецка, Кургана, Брянска, Белгорода, Волгограда, Челябинска, к тому же выдвинутых именно промышленностью на роль областных центров.

Поэтому при рассмотрении функциональных проблем городов необходимо обращать внимание на их эволюцию: а) происхождение; б) отход от монофункциональности,

² Так возникли текстильный институт в Иваново, НИИ источников света в Саранске (где определяющее значение получило производство осветительных средств), аэрокосмический университет в Самаре, авиационные и авиационно-технические училища, институты в Рыбинске, Ульяновске, Уфе, различные филиалы и отделения («Стальпроекта» в Липецке, Московского института стали и сплавов в Старом Осколе и т. д.).

обогащение структуры; в) итоги ее развертывания, характеризующего важный сдвиг в урбанизации. Часто стадия б начиналась с создания производств-противовесов (машиностроения в текстильных центрах; текстильных, трикотажных и обувных в центрах угледобывающих, металлургических и химических). Иногда новые отрасли и виды деятельности оттесняли отрасль-родоначальника на второй план, меняя профиль города (Балашиха и Фрязино под Москвой, Дмитровград в Ульяновской области, Ярцево у Смоленска и др.).

Вторжение промышленности в старые города имело положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, их хозяйственная база усиливалась, диверсифицировалась, а функциональное разнообразие влекло за собой и социальное. С другой стороны, промышленность вызвала чрезмерно быстрый рост городов, их населения и территории. Вокруг исторических центров формировались периферийные жилые зоны на основе типовых проектов, шаблонных планировочных приемов. Это приводило к возникновению унылых по своему облику районов, бедных объектами социальной инфраструктуры, испытывающих дисбаланс мест жительства и мест приложения труда, большие транспортные трудности. Индустрия плодила новые города и новые районы старых городов, лишённые полноценной городской среды, наделяла города «промышленным флюсом», перекашивая, деформируя их функциональную структуру. Как отрасль приоритетная, она подчас сокращала ресурсы для развития других видов деятельности.

Все старые города, а особенно экономически слабые, застойные, нуждались с точки зрения социальной политики во всестороннем укреплении и оздоровлении. Но с позиций экономики тотальный подъём, скажем, на основе размещения промышленных новостроек был нерационален. Развитие малых городов не могло не быть выборочным. Ведь даже после ревизии, осуществленной советскими администраторами до 1926 г., когда многие десятки городов были преобразованы в сельские поселения, 130 городов Европейской части РСФСР (31% общего их числа) не имели железнодорожного сообщения (Города Союза, 1927, с. 10).

Этим объясняется обилие в урбанистической структуре Европейской России городов людностью менее 12 тыс. жителей. К началу 1999 г. их было 135 (15,8%), т. е. каждый шестой не удовлетворял порогу людности, установленному для города законодательством. Большею частью это старые города: 98 из них унаследовали свой статус с дореволюционных времен. А 16 заслуживают название городов-карликов, имея менее 5 тыс. жителей. Среди них такие знаменитости, как Плес, Горбатов и Сольвычегодск. Самые малые — Чекалин (в прошлом Лихвин) в Тульской области и Высоцк в Ленинградской — насчитывают по 1,2 тыс. жителей.

Особым направлением использования потенциала сложившегося расселения явилось преобразование в города сельских по статусу поселений, которые выполняли городские функции.

Сельские черты российской урбанизации и влияние миграций «село—город»

Дефицит городов давно заставлял власти России прибегать к созданию городов путем *преобразования сельских поселений*. В ходе административной реформы 1775–1785 гг. при Екатерине II таким образом было учреждено 162 новых города; в пределах Европейской части — 146 (подсчитано по Г. П. Махновой, 1970). В более скромных масштабах это практиковалось в XIX в.: Грайворон, Сухиничи, Мариинский Посад, Николаевск (ныне Пугачев). В XX в. преобразование чаще было юридическим закреплением фактического превращения в город, нежели выдачей «аванса», как это было в XVIII веке. Тем не менее усилий промышленности оказалось недостаточно для создания нужного количества городов, и их тоже производили административным порядком. Сельское происхождение современных городов выдают их названия, не претерпевшие изменений: Жуковка, Козловка, Алексеевка, Бутурлиновка.

Сельские черты присущи российским городам разных типов и категорий. Это не удивительно в стране, где даже столица давно заслужила прозвище «большой деревни». Сельские черты российской урбанизации устойчивы и постоянно воспроизводятся, будучи обусловлены несколькими процессами.

Происходило *включение в состав городов пригородных сельских поселений*. В одних случаях их земли использовались под новую застройку, они исчезали, заменяясь городскими районами³. Но в других случаях сельские поселения становились составной частью города, не меняя своего облика, застройки, планировки и занятий обитателей. Во многих больших, крупных и даже крупнейших городах застройка некоторых районов традиционно велась *по образу и подобию сельской*: одноэтажный дом, палисадник, хозяйственный двор, сад, огород. В результате «сельские вкрапления» в большие города оказывались весьма распространенными и обширными. А численно преобладающие в нашей стране малые города вообще правомерно считать элементом сельской местности. Их сельский облик, сельские занятия и образ жизни значительной части жителей наиболее очевидны. Поистине «*деревня в городе*»⁴.

Сельские черты урбанизации выражаются не только в наличии «сельских городов» и «деревень в городах». Ими по сути пронизана вся урбанистическая структура. Приток огромных масс людей из сельской местности наполнил города, особенно большие. Оказавшиеся в городе вчерашние крестьяне не сразу приобщаются к новому образу жизни, усваивают городские ценности, что имеет следствием возникновение и расширение слоя маргиналов, не совсем горожан и уже не крестьян. По некоторым оценкам, жители, ведущие полугородской образ жизни, составляют почти четверть городского населения.

В начале XX в. немецкий географ А. Геттнер (1909) писал о том, что большинству городов России недостает настоящей городской жизни. Его суждение, пусть в ослаблен-

³ Так было в Москве, которая в 1960 г. вместе с 5 городами и 12 пгт поглотила 150 сел и деревень. От них остались названия (Тропарево, Никулино, Беляево, Коньково, Ясенево, Теплый Стан, Алтуфьево, Владыкино, Выхино и т. д.), церкви и усадьбы.

⁴ См. главу 4.2.

ном виде, остается справедливым и столетие спустя. Если в сельской местности вследствие высокой доли несельскохозяйственных, так называемых служебных, поселений значительна доля «скрытого городского населения», то так же правомерно говорить и о «скрытом сельском населении», которое официальной статистикой причисляется к городскому.

Все это вовсе не значит, что миграция в крупные центры формировала там только маргинальные слои населения. Она пополняла все слои, в том числе интеллектуальную элиту. Малый город и село, провинция в целом постоянно питали интеллигенцию российских столиц и других крупных городов, поставляя им таланты в области культуры, науки, искусства. В. Н. Топоров (1995, с. 336) отмечал, что писательская среда Петербурга десятилетиями создавалась за счет притока извне: «Длительное время, во всяком случае до послереформенной эпохи, Петербург был трудным местом для рождения писателей». Д. С. Лихачев (1991) выразился еще категоричнее: «Гении рождаются только в провинции».

В то же время урбанизация немыслима без рекреации, без отдыха от городских проблем и ритмов, смены ландшафтного окружения и занятий. В России давно известна такая форма этой смены, как второе жилище, дача. Стремление обзавестись им и собственным загородным участком, продиктованное разными причинами, нарастало в советское время и особенно в кризисное постсоветское. Р. Медведев (1998) пишет: «...к концу 1995 г. число садовых и огородных наделов превысило 30 млн. Это означало, что такой участок практически получила чуть ли не каждая городская семья. Доля продукции личного хозяйства составила в среднем около 20%, уменьшаясь у жителей крупных и более обеспеченных городов и увеличиваясь до 50% в маленьких и бедных провинциальных городах».

Подобная деятельность горожан способствует сохранению сельского менталитета, присущего немалой их части (Алексеев, Симагин, 1999). Думается все же, что он не присущ всем людям, имеющим дачу, сад, огород. Для многих горожан, полноценно занятых в городских сферах деятельности, работа на участках — или временная необходимость (так было и во время гражданской и Отечественной войн), или своего рода хобби — активная форма отдыха, наблюдение за природой, порой связанное с профессией.

Качество российской урбанизации

Этот вопрос заслуживает особого внимания, поскольку с ним связана принципиальная оценка самой сущности урбанизационных процессов. Его правильное решение имеет большое значение для определения потенциала сложившегося расселения, выявления и использования предпосылок дальнейшего развития. Бывает, что изменения в городах, в городском расселении России и Советского Союза, оцениваются только как количественные, не сопровождаемые качественными переменами.

С этим согласиться нельзя. Конечно, количество не сразу и не всегда переходило в качество. Но итоговые сдвиги в урбанистической ситуации весьма существенны. Они

состоят в резком увеличении числа и приоритетном развитии больших городов, появлении городов новых типов (столиц национальных республик, городов-центров науки и высокотехнологичных наукоемких производств), в изменении характера расселения, перешедшего к новой агломерационной стадии, характеризующейся интегральностью городского и сельского расселения. Все это свидетельствует о переменах принципиального значения, о появлении в расселении нового качества.

Рост числа и значения больших городов

Россия вошла в XX век, имея два города-миллионера и еще пять, перешагнувших 100-тысячный рубеж, все в Европейской части. Для огромной территории этого было крайне мало. Арена урбанизации в стране была чрезвычайно сужена. Известно, что именно крупнейшие города в силу присущих им свойств, а не города вообще, способны выполнить историческую миссию урбанизации, обеспечить прогресс общественного развития⁵. Среда больших городов выделяется многоконтактностью, творческой атмосферой. Все это вместе и делает большие города подлинными двигателями прогресса. Поэтому умножение числа больших городов, их укрупнение и достижение ими некоей критической массы, после чего они становятся генераторами нового, имело решающее значение.

Перед началом индустриализации в Европейской части России насчитывалось 17 больших городов (рис. 2.4.2). При всех изъянах советской урбанизации наращивание числа больших городов знаменовало важнейший качественный сдвиг. Пусть промышленность в них и играла непомерно большую роль, сами они были перегружены рядовыми производствами, населены жителями, еще не ставшими горожанами, удручали невыразительной стандартной застройкой, говорившей о бедности и несформированности городской среды. Все равно они послужили основой для нового витка урбанизации.

Формирование сети центров с многофункциональной структурой, концентрирующих прогрессивные элементы производительных сил, интеллектуальный потенциал, — главный итог урбанизации. О ней правильнее судить не по числу городов, размерам и доле городского населения, а по сформированности больших городов, их роли в прогрессе и в территориальной организации общества.

Россия должна была по своим исходным данным стать страной больших городов, и она ею стала. Более 30 лет назад американский географ Ч. Гаррис (Harris, 1970, p. 1) заметил, что в СССР больших городов уже больше, чем в США, Японии и т. д. В РСФСР находились 50% всех и 56% больших советских городов, выше была их доля в населении,

⁵ Четверть века назад, когда проблемы урбанизации стали особенно активно обсуждаться в философской, экономической и географической литературе, В. М. Долгих, Ю. А. Левада и А. Г. Левинсон писали: «...если все виды потребления продуктов городской культуры могут быть глобально рассеянными и становятся таковыми, то само производство культуры, которое нельзя смешивать с тиражированием культурных благ, необходимо требует высокой концентрации „сил, потребностей, наслаждений“» (1974, с. 74).

Рис. 2.4.2. Большие города на территории европейской части России в 1926 г.

так что слова Гарриса в еще большей мере относились к России. Правда, города разных стран находились на разных стадиях развития⁶.

По состоянию на 1 января 1999 года в Европейской России имелось 127 больших городов. Они, и прежде всего крупные и крупнейшие, обладают многосторонним потенциалом, незаурядным географическим положением. В их функциональной структуре обычно весом прогрессивный блок — сочетание науки, высшего образования, проектирования и высокотехнологичных, в том числе опытных, производств, для них характерно развитие культуры и искусства. Интеллектуальный потенциал имеет решающее значение для выполнения ими исторической миссии.

Обновление состава больших городов, происшедшее в течение XX века, значительно: из 127 городов — 80 старых и 47 новых, в том числе 30 возникли, как это принято

⁶ См. главу 2.6.

говорить, на чистом месте⁷. Тем не менее *очевиден акцент на использовании потенциала старых городов*, особенно таких, которые всей предшествующей историей заслужили право на лидерство. Его подтвердили почти все старые губернские и областные центры, только два из 35 городов этой группы в европейской части РФ освобождены от подобных обязанностей: Новороссийск в связи с упразднением Черноморской губернии, возглавлявшейся им с 1896 г. по 1929 г., и Новочеркасск, сдавший функции областного центра Ростову-на-Дону. Из 33 остальных 29 — современные областные центры, 4 (Казань, Уфа, Петрозаводск и Владикавказ) — столицы национальных республик. Девять старых городов возглавили новые области, не имевшие предшественниц-губерний (Ивановская, Брянская, Белгородская, Липецкая, Волгоградская, Свердловская, Челябинская, Курганская, Мурманская). Десять старых, но в прошлом небольших и экономически хилых городов сумели развиваться в многофункциональные столицы республик. Лишь одну из них — Калмыкию — возглавил город-новостройка Элиста.

На 47 новых центров приходится чуть более 17% совокупной численности населения больших городов Европейской России, в том числе на города-новостройки — около 11%. Прирост их населения сильно уступал увеличению крупногородского населения за счет старых городов. Примечательна ведущая роль лидеров, выделяющихся разнообразием функций и масштабами деятельности. В центрах регионов (областей, краев, республик) сосредоточено $\frac{3}{4}$ населения больших городов (39 543 из 53 179 тыс. человек). И даже если исключить Москву и Петербург, то эта доля останется высокой (66%).

Центральные функции, пусть и не закрепленные официально, свойственны и *вторым по людности городам регионов*. Среди больших городов таких 18, в том числе 10 новых (Набережные Челны, Магнитогорск, Новомосковск и др.). К большим городам, наряду с центрами агломераций, принадлежат и города-спутники, их 26. За редким исключением (Энгельс у Саратова и некоторые подмосковные города) это новостройки: Дзержинск у Нижнего Новгорода, Новокуйбышевск у Самары, Волжский у Волгограда и др.

Большие города-новостройки в Европейской России по своему генезису — преимущественно индустриальные, определяющая роль промышленности проявляется в них очень сильно. Чаще всего это своеобразный «специализированный комплекс»: металлургический в Магнитогорске, автостроительный в Набережных Челнах, химический в Дзержинске и в Березниках. Но его последовательно дополняют и другие отрасли и функции. Результатом такой последовательной трансформации в ряде случаев явилась смена функционального типа города. Так, Дзержинск вошел в число наукоградов, Тольятти, став третьим по объему продукции промышленным городом России, развивается в многофункциональный центр с растущим значением науки и высшего образования.

Большие города, не являющиеся центрами регионов, вообще представляют разные функциональные типы. Это порт Новороссийск, научный центр Обнинск, курорты Сочи, Пятигорск и Кисловодск, промышленно-транспортные центры Сызрань, Армавир, Мичуринск и т. д.

⁷ Отнесение города к числу возникших на чистом месте (на самом деле оно могло быть хотя бы частично занято малыми поселениями разного типа, смежными угодьями и т. д.) представляет собой достаточно сложную задачу и требует в каждом конкретном случае тщательного анализа.

Карта больших городов Европейской России в конце XX века наглядно показывает неравномерность их территориального распределения (рис. 2.4.3). Экономические районы обеспечены ими в разной степени. Наибольшая концентрация больших городов отмечена в Центре и Урало-Поволжье. Там же сосредоточена и большая часть наукоградов (рис. 2.4.4). Вместе с тем даже в пределах староосвоенной территории видны обширные пространства, лишенные больших городов: к западу от Москвы, на стыке Центрально-Черноземного района, Поволжья и Ростовской области, в восточной части Северного Кавказа.

Многофункциональность придает большим городам порой завидную устойчивость. Они обладают адаптивной и инновационной способностью, лучшими стартовыми возможностями для развития по новым направлениям, обусловленным изменившейся ситуацией.

Городские агломерации и опорный каркас расселения⁸

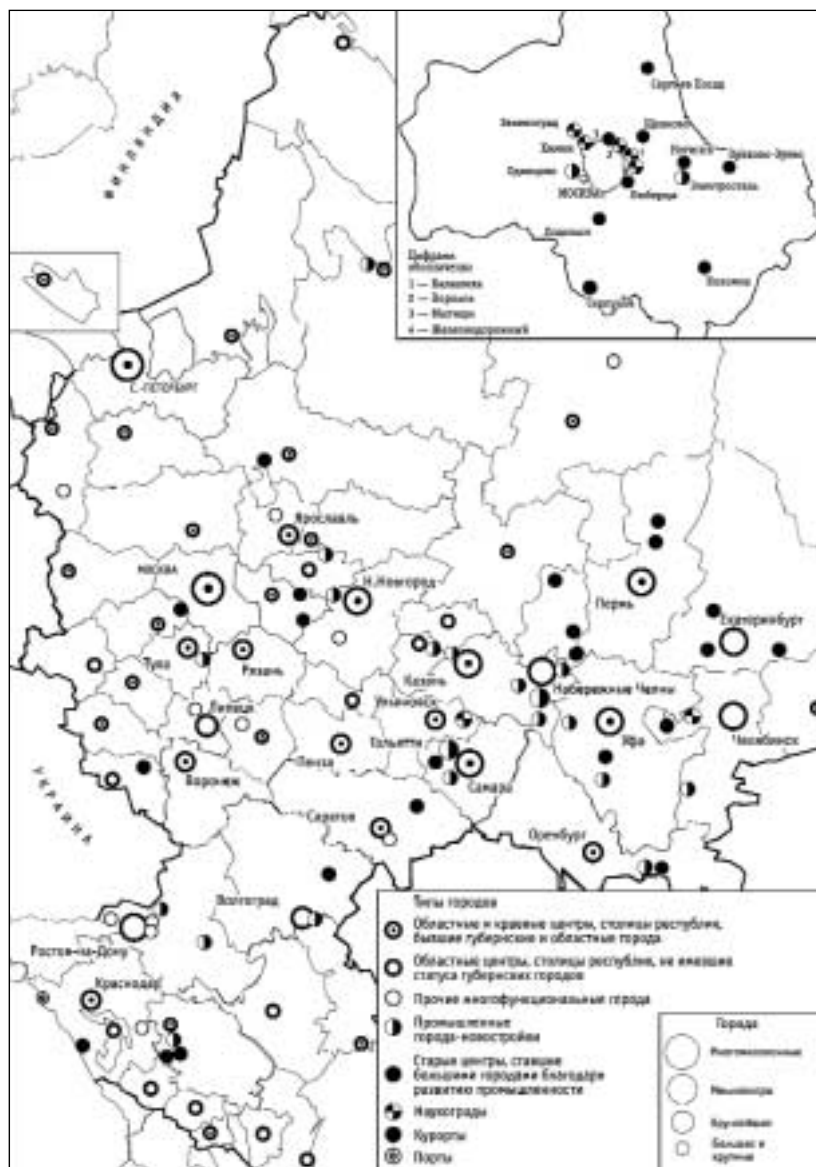
Еще большей взаимодополнительностью функций и пространства характеризуются городские агломерации (ГА), под которыми понимается компактная и относительно развитая совокупность взаимодополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких мощных городов-ядер и объединенных многообразными и интенсивными связями в сложное динамическое единство. Географически ГА — это пространство реальных и потенциальных взаимодействий, в который вписывается недельный жизненный цикл большинства жителей современного крупного (людностью не менее 250 тыс. чел.) города и его спутниковой зоны, оконтуриваемой, как правило, 1,5-часовой изохроной от границ города-ядра⁹. Это позволяет сочетать выгоды концентрации разнообразных функций и услуг в крупных городах с дисперсным характером их реализации и потребления и тем самым поддерживать динамическое равновесие между разнонаправленными экономическими, социальными и экологическими условиями, факторами жизнеобитания и интересами людей.

ГА являют собою иную, высшую по отношению к индивидуальным городам, пространственную форму урбанизации и являются очагами концентрации населения, причем не только городского, но и сельского. Они олицетворяют третью стадию эволюции расселения, согласно выдвинутой Ж. А. Зайончковской схеме, когда городское и сельское расселение «...интегрируются на общей формирующей их основе, обеспечивающей более интенсивные и короткие производственные связи для хозяйства и доступность всех видов деятельности и набора услуг для населения... Расселение из сплошного, относительно равномерного (на освоенных землях, конечно) превращается в пятнистое... Город и село становятся „общающимися сосудами“, управление которыми возможно

⁸ Раздел написан П. М. Поляном.

⁹ Соответствующая методика делимитации городских агломераций, оценки их развитости и морфологическая типология в свое время были предложены и разработаны в многочисленных, в том числе совместных, работах авторов этого раздела (здесь сошлемся лишь на монографии — Лаппо, 1978 и Полян, 1988).

Рис. 2.4.3. Большие города в конце XX века на территории Европейской России и в Московской области

только на основе регулирования системы в целом» (Зайончковская, 1985). Двумя предшествующими стадиями являются автономное и концентрированное расселение (в пору концентрированного расселения ГА являются как бы провозвестниками и форпостами следующей расселенческой стадии).

ГА — основные узловые элементы опорного каркаса расселения как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Его линейными элементами являются, соответственно, транспортные магистрали и полимагистралы¹⁰.

Как пространственная форма расселения ГА представляет собой ареал с особой средой и особым режимом обитания ее жителей. Среди свойственных ей особенностей и закономерностей — повышенная подвижность населения (как маятникового, дневного, цикла, так и недельного) и соответствующая развитость инфраструктуры. Весь торгово-промышленный, информационно-образовательный и культурно-зрелищный потенциал агломерационных центров является принципиально доступным для жителей внешней зоны ГА, как городских, так и сельских, равно как и рекреационные ресурсы внешней зоны доступны для жителей их крупногородских ядер¹¹. Усиленное развитие автомобилизации в 1990-е гг. только усилило эту потенциальную возможность.

Разница в условиях проживания между городскими и сельскими поселениями спутниковой зоны ГА постоянно нивелировалась (Полян, 1987), и гораздо более значимым признаком, нежели поселенческий статус, является внутреннее положение поселения в рамках ГА, в особенности по отношению к транспортным коммуникациям. Это позволяет рассматривать население спутниковой зоны ГА как некую особую, смешанную, интегрированную внутри своего агломерационного ареала совокупность, в чем-то отличную и от городского, и от сельского населения как таковых. Ареал ГА для них — это единое пространство, еще в условиях советской плановой системы проявлявшее незаурядную способность к самоорганизации на рыночных принципах: именно в рамках ГА правдами и неправдами пробивали себе дорогу рынок труда, рынок первичного и вторичного жилья, рынок развлечений и рекреационных услуг, наконец, рынок пригородных сельскохозяйственных товаров (то есть собственно «крестьянский рынок»). Нередко оконтуриванию, или «обарьериванию» этой зоны способствовали, как, например, в случае Москвы и Подмосковья, фактические ограничения на право жительства (режим прописки и его современные модификации).

Поэтому реальные различия между городскими и сельскими жителями ГА зачастую меньше, чем различия между сельскими жителями ГА и сельскими жителями периферийных, внеагломерационных, территорий. На этом основании представляется резонным рассматривать пригородное сельское население ГА в качестве особой — третьей — категории населения, совмещающей в себе черты и городского, и сельского населения, но и имеющей достаточно выразительную специфику.

Рассмотрим коротко эволюцию сети ГА в России, точнее, в европейской ее части. Первая российская перепись 1897 года зафиксировала в стране всего 4 крупных горо-

¹⁰ См. раздел «Пространственное развитие урбанизации» в этой главе.

¹¹ См. пример Московской агломерации в главе 4.2.

да — Санкт-Петербург, Москву, Одессу и Ригу, из них только первые два имели в своем окружении достаточно пригородных поселков, чтобы считаться агломерациями, но, с учетом сети и скоростей пригородного железнодорожного сообщения в конце XIX века, явно неудовлетворительными были бы другие формальные критерии.

Первые «истинные» ГА в СССР были выявлены лишь по данным Переписи 1926 года, зафиксировавшей уже 9 крупных городов: с точки зрения строгих критериев делимитации, первыми российскими ГА стали Московская, Ленинградская и Ростовская (в то время как Харьков с Киевом и Одессой, как и Баку с Тифлисом и Ташкентом были еще далеки от порога агломеративности).

Первые пятилетки, бум индустриализации и урбанизации не мог не отразиться и на формировании сети ГА. К сожалению, разработанность переписи 1939 года не позволила применить к ней строгую методику делимитации ГА, но на качественном уровне число ГА СССР составило на эту дату от 15 до 20. Среди них — и агломерации, расположенные в Европейской части РСФСР (по алфавиту): Горьковская, Ивановская, Куйбышевская, Ленинградская, Московская, Ростовская, Свердловская, Сталинградская, Тульская, Челябинская и Ярославская.

В годы войны не менее половины из них оказались в зоне интенсивных боевых действий. Притормозив процесс агломерирования в западных районах страны, война вместе с тем буквально форсировала этот процесс в тыловых районах, в том числе в Поволжье и на Урале, куда были эвакуированы многие предприятия и миллионы людей из оккупированных или угрожаемых оккупацией районов.

По данным переписи 1959 года было выявлено, в целом по СССР, 42 ГА, из них почти половина (20) пришлась на Европейскую часть РСФСР (см. Приложение 5). Число ГА тем самым удвоилось, причем большинство новичков пришлось на восточные районы Европейской части (лишь Воронежская и Калининская ГА в военное время располагались в зоне боевых действий). Следующая перепись (1970 года) позволила выявить уже 63 ГА. И на этот раз почти половина агломераций-новичков (10 из 21) пришлись на Европейскую часть РСФСР. За следующий межпереписной период доля агломераций-новичков из Европейской части РСФСР еще более выросла (13 из 21, причем в азиатской части РСФСР не оказалось буквально ни одного новичка).

В целом 20-летний отрезок между переписями 1959 и 1979 гг. явился наиболее изученным периодом формирования сети ГА СССР (Полян, 1988). За это время общее количество ГА увеличилось вдвое — с 42 до 84, из них число ГА-«миллионеров» — с 16 до 34. Из 84 ГА на РСФСР приходилось 50. 42 из них расположены в Европейской части.

Эти данные характеризуют сеть ГА, выделенных с помощью разработанной нами методики делимитации ГА по данным 1979 года. В них, в частности, не учтены так называемые потенциальные ГА, уже имеющие крупногородское ядро, но не отвечающие некоторым другим критериям принятой методики (например, числу городских поселений в спутниковой зоне, значению специального коэффициента развитости ГА и т. п.). К потенциальным ГА, по состоянию на 1979 год, относились Курганская, Магнитогорская, Оренбургская, Орловская,

Саранская, Сочинская и Череповецкая в Европейской части России и Комсомольская, Томская, Тюменская, Улан-Удинская, Читинская и Хабаровская в ее азиатской части.

Вместе с тем кристаллизация новых ГА наиболее вероятна именно из числа потенциальных ГА на предшествующую дату. С этой точки зрения наиболее перспективными на вхождение в число реальных ГА можно было бы считать Тюменскую, Хабаровскую и Орловскую, но все же это не более чем качественная экспертная оценка.

Поскольку применение методики делимитации ГА в ее полном объеме к данным за 1989 и 1999 гг. оказалось технически невозможным, мы вынуждены ограничиться здесь упрощенной методикой их описания, в качестве допущения которой служит условное «замораживание» на уровне 1979 г. коэффициентов развитости уже выделенных ГА и, соответственно, сети ГА. Иными словами, этой упрощенной методикой игнорируются возможные изменения в составе и людности городских поселений конкретных ГА на протяжении последних 20 лет.

Это следует учитывать при пользовании Приложением 5, где приведены простейшие сводные данные по 42 ГА Европейской России. Но прежде, чем перейти к беглому анализу содержащихся в ней данных, необходимо внести еще одну коррективу к этому приложению и к самому числу российских ГА. В этом случае она связана не с методикой делимитации ГА, а скорее с методикой ведения боевых действий российскими военными на российской земле. Фактическое число ГА должно быть сокращено еще на единицу.

В результате первой (1994–1995) и второй (1999–?) российско-чеченской войн были разрушены и тем самым стерты с расселенческой карты России не только десятки сел, но и такой выдающийся северо-кавказский центр, как Грозный, население которого даже по самым смелым прогнозам сегодня не превышает 100 тыс. чел. Какое уж там ядро высокоэффективного и интегративного агломерационного пространства, когда сам город представляет из себя скопище руин и государственные мужи просчитывают, не лучше ли перенести будущую столицу Чечни в Гудермес?!..

Костяк этой сети из 42 ГА на территории Европейской России сформировался к 1979 году, причем за 1939–1959 и 1959–1979 гг. их количество удваивалось. Весьма динамично росла и численность населения ГА: в 1959 г. она составляла 24,2 млн чел., то в 1970 г. — 37,1 млн, а в 1979 г. — 52,1 млн чел., что соответствовало 40–50-процентному приросту в эти межпереписные периоды. Позднее темпы роста агломерированного населения резко сократились (что, отчасти, связано и с упрощенной методикой его учета): к 1989 г., когда людность ГА достигла как минимум 56,9 млн чел., прирост составил около 10 %, а за 1990-е гг. 4,8-миллионный прирост сменился убылью в 1 млн чел., из которой половина — результат уничтожения Грозного и беспрецедентного выпадения Грозненской агломерации из списка ГА.

Сокращение абсолютных и относительных показателей агломерированного населения Европейской России в течение 1990-х гг. — яркий символ процесса дезинтеграции расселения, пришедшегося на это время. Динамика населения по агломерациям в 1990-х годах и внутриагломерационные изменения в кризисный период конца века подробнее рассмотрены в главе 2.6.

Наукограды

Качественный сдвиг в урбанизации проявился в возникновении городов новых типов, в частности наукоградов — городов науки и высоких технологий, находящихся в авангарде научно-технического прогресса.

Наукограды уже сыграли выдающуюся роль в становлении и развитии таких сфер, как авиастроение, освоение Космоса, электротехника и электроника, атомная энергетика. Их основа создана развитием фундаментальной науки, которая имела ряд научных центров в качестве своих плацдармов. Велика роль наукоградов и в создании «ядерного щита» страны, в разработке новых видов вооружений. С ними нужно связывать и возрождение России как великой державы, способной играть в мире роль одного из лидеров.

С распадом СССР для наукоградов наступили тяжелые времена. Оборонный заказ сократился, за его выполнение своевременно не платят, да и получаемая плата неадекватна квалификации персонала. Отношение к наукоградам властей и идеологов рыночных реформ не соответствовало ни их заслугам, ни интересам страны, ни роли, на которую способны наукограды. Правда, части из них (оборонным городам-ЗАТО) в 1992 г. предоставили налоговые льготы. Это сделало их как бы внутренними оффшорами, где фирмы, не имеющие отношения к профилю города, укрывали свои доходы (например, от подакцизного производства спирта, водки и т. п.). Лишь в ноябре 1997 г. вышел Указ Президента РФ о мерах по развитию наукоградов именно как городов науки и высоких технологий. В Обнинске был начат эксперимент по реализации предусмотренных указом и последовавшим за ним распоряжением правительства мер, обобщению и распространению опыта.

Два года назад возник «Союз развития наукоградов России», некоммерческая организация, объединившая почти 70 научных и научно-производственных центров¹². Подавляющая часть их (54) находится в Европейской России, причем $\frac{2}{3}$ в Центральной (рис. 2.4.4). Наиболее крупные территориальные группировки — Московская (29) и Уральская (10). Очевидно тяготение наукоградов к крупнейшим городам-лидерам (в европейской части — к Москве, Петербургу, Нижнему Новгороду, Екатеринбург, Челябинску; в азиатской — к Новосибирску, Красноярску).

Среди наукоградов — подмосковные центры фундаментальной науки: Дубна, Протвино, Пущино, Троицк, Черногловка. И все 10 (в Европейской России 7) городов — участников программы ядерных вооружений во главе с Саровом и Снежинском. С разработками в области ядерной энергетики связаны Обнинск, Димитровград, Заречный (Свердловская обл.), Сосновый Бор, с космической программой — Королев, Юби-

¹² Согласно Уставу, он имеет целью «содействие объединению усилий органов местного самоуправления городов с высокой концентрацией интеллектуального и научно-технического потенциала — наукоградов и академгородков, научных, образовательных, производственных организаций и предприятий, ученых и специалистов для обеспечения устойчивого развития этих городов и поселений, формирования и реализации их роли как точек роста российской экономики на локальном, региональном и федеральном уровне на базе науки, образования и высоких технологий, содействие расширению цивилизованных интеграционных процессов России со странами ближнего и дальнего зарубежья».

лейный, Химки, Реутов, Звездный. На электронике и приборостроении специализированы Зеленоград, Фрязино, Радужный (Владимирской обл.), Лыткарино; химические производства с их научными звеньями — основа для Дзержинска, Дзержинского, Редкино, создание специальных видов вооружения — для Климовска. В число наукоградов входят все три центра с космодромами. Два из них — Мирный (космодром Плесецк) и Знаменск (Капустин Яр) — находятся в Европейской России.

Литература о наукоградах в последнее время расширилась¹³. Однако разные центры освещены в ней неравномерно. Показательно, что шесть наукоградов сохраняют номерные обозначения (в европейской части их три: Дмитров-7, Осташков-3, Пермь-6). Не завершено и формирование Союза наукоградов, пока в нем нет таких известных центров, как Сосенский, Каспийск или Глазов. Из городов при атомных электростанциях, имеющих предпосылки для развития в технополисы, представлен Сосновый Бор, но нет Курчатова, Десногорска, Нововоронежа и др. В общей сложности семейство наукоградов в Европейской России насчитывает порядка 3 млн жит. А их научный, научно-технический потенциал бесценны. Это и уникальное оборудование, и технологии, и человеческий капитал (в ряде наукоградов доля работников с высшим образованием достигает 90%, среди них специалисты с мировым именем), и особая социальная среда (в том числе до сих пор низка бытовая преступность). Таким образом, есть основания для надежды, что их вклад в подъем науки, техники и экономики России может быть решающим.

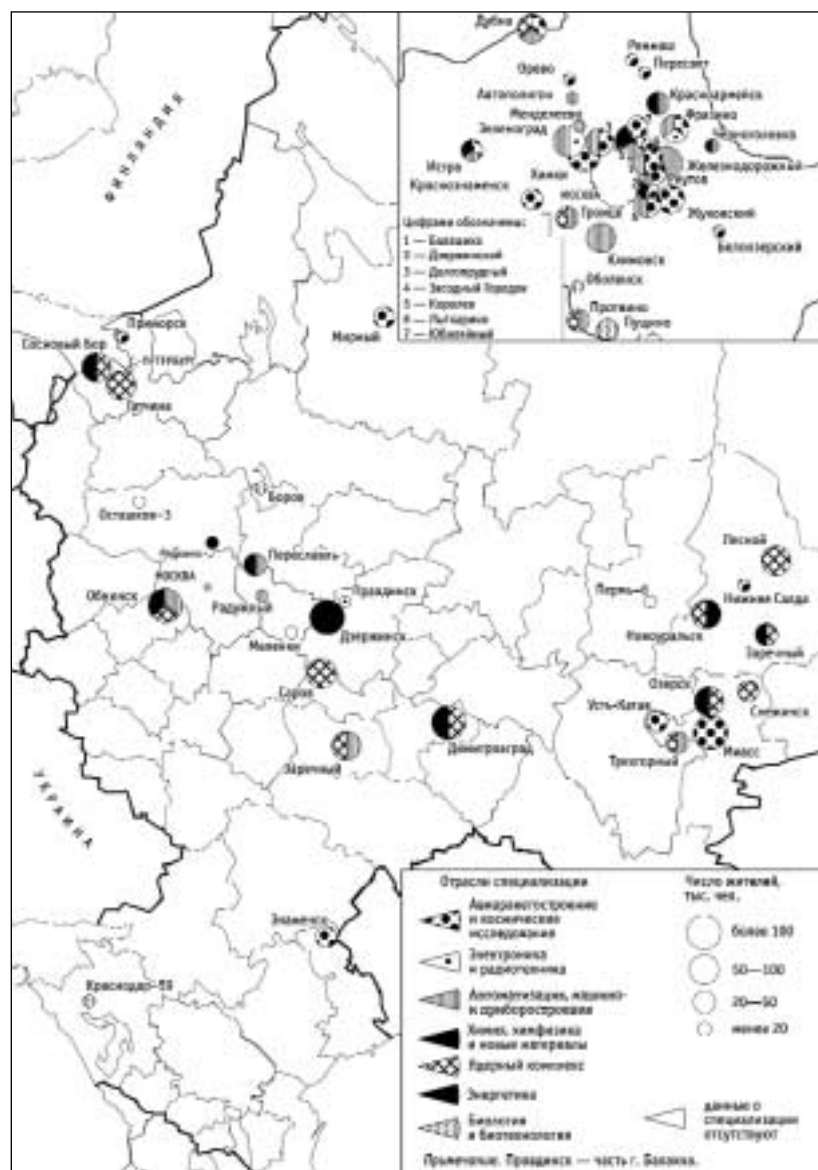
Пространственное развитие урбанизации

В урбанизации России на протяжении всего столетия сочетались *продолжение оказавшихся устойчивыми прежних пространственных тенденций и появление новых*. Линейностремительные тенденции в городском расселении заметно усилились, и в качестве осей развития продолжали использоваться транспортные магистрали. По-прежнему большое значение имели опорные центры осваиваемых территорий, сети городов охватывали все большие пространства. Вместе с тем отчетливо проявилась смена эволюционной стадии урбанизации. Новый виток центростремительных процессов (переход от точечной концентрации к ареальной) придал ключевое значение агломерациям — качественно иным, интегральным формам расселения. Качественный сдвиг произошел не только в урбанистической, но и в территориально-урбанистической структуре России.

Развитие урбанизации шло *в соответствии с географической логикой*, под влиянием территориальной дифференциации природных, исторических, экономических, национально-демографических, культурных условий. Эта логика проявлялась всегда, независимо от общественного строя, который на протяжении XX века в России менялся дважды. Будучи страной огромных пространств (Европейская Россия по площади примерно равна зарубежной Европе с десятками ее государств), она использовала урбанизацию, наряду с магистральной транспортом, как средство преодоления пространства.

¹³ Весьма информативна книга А. К. Круглова (1998), обстоятельно характеризующая становление и развитие атомной промышленности страны, работы М. И. Кузнецова о наукоградах Московской области.

Рис. 2.4.4. Наукограды в Европейской России и в Московской области (составлена А. Агирречу)

В распределении по территории больших городов, в формировании на их основе крупных городских агломераций это выразилось очень сильно. Центры и агломерации, где экономические, культурные и иные связи концентрируются в ограниченных по размерам ареалах, особенно уместны для России, так как служат средством сжатия территории, экономии времени, сил и средств на осуществление связей. Большие города демонстрируют как приверженность «правилу пространственного ритма», известной регулярности размещения, так и стремление сблизиться друг с другом для удобства взаимодействия. Будучи главными фокусами связей, они, в целях минимизации последних, стремятся образовать сравнительно компактные сети (особенно в обширных странах).

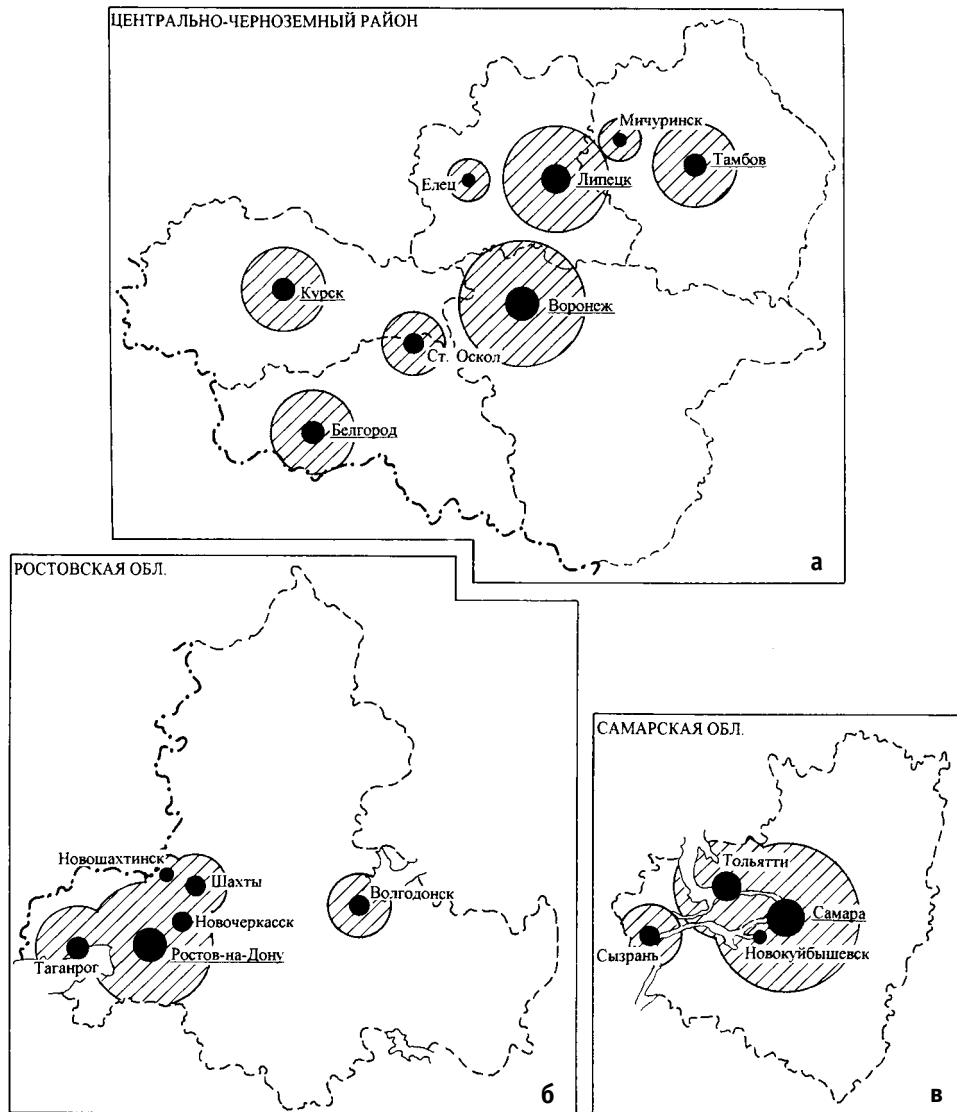
Это явление, которое П. Хаггет (1968) назвал *имплозией*, заметно на разных уровнях — от всей страны до отдельных регионов. По подсчетам О. К. Кудрявцева (1985, с. 68–69), среднее фактическое расстояние между ближайшими большими и между крупнейшими городами СССР (287 и 707 км) составляло 54% от теоретических, предполагающих равномерное размещение этих центров по территории. Учет только ее заселенной половины уменьшает теоретические дистанции, но фактические расстояния все равно меньше. В России среднее расстояние ближайшего соседства между городами людностью от 0,5 млн жителей — около 270 км, или 38% от теоретического, рассчитанного для всей территории, и 56% для заселенной зоны. Такое же соотношение и в Европейской России. Получается почти двойная экономия расстояний на имплозии крупных городов.

Показательно, что она имеет место и там, где нет особых природных контрастов, например в Центрально-Черноземном районе (**рис. 2.4.5а**), а также свойственна некоторым полицентрическим регионам с несколькими большими городами (**рис. 2.4.5б и в**). Формирование их сгустков ухудшает обслуженность остальной территории, но улучшает взаимодействие между ними самими, что дает общеэкономический эффект. Это явление может рассматриваться как одна из форм экономического сжатия пространства.

Эти две противоположные тенденции — к равномерному распределению по территории и к пространственной концентрации, сулящей экономические и социальные выгоды, — соединились в реальном расселении, проявившись в *равномерной неравномерности* (в немецкой литературе распространен термин «концентрированная децентрализация»).

На взаимосвязи двух сопряженных тенденций — центростремительной (развитие больших городов и городских агломераций) и линейностремительной (развитие магистралей и полимагистралей, а шире — коридоров развития) — сложился *опорный каркас расселения* (**рис. 2.4.6**). Он явился средством территориально-хозяйственной и территориально-культурной интеграции, механизмом межрайонного взаимодействия. Наряду с агломерированием и имплозией больших городов опорный каркас обеспечивает экономическое сжатие территории, формирование единого политического, экономического, культурного, научного, информационного пространства.

Рис. 2.4.5. Сближенность больших городов в некоторых регионах:
Центрально-Черноземный район, Ростовская область, Самарская область

С XVII в. и до революции сеть городов активнее формировалось по краям империи. Эта тенденция сменилась *континентализацией*. В известной мере в стране продолжалась урбанизация по периметру, о чем свидетельствует развитие Мурманска, Архангельска, Северодвинска, Новороссийска, Сочи, Махачкалы, Каспийска. Но рост глубинных центров по стратегическим причинам был более значимым. **Табл. 2.4.3.** показывает, что центры РФ и СССР далеки от морей, и эта удаленность выросла почти втрое. Средняя дистанция от всех рубежей меньше. По отношению к условному радиусу территории России (мера внутренних расстояний) она близка к показателям Индии и Китая, но больше, чем в странах Америки. А вот в Германии, чья площадь и типичные дистанции скромны, относительное тяготение центров вовнутрь страны, напротив, выражено сильнее.

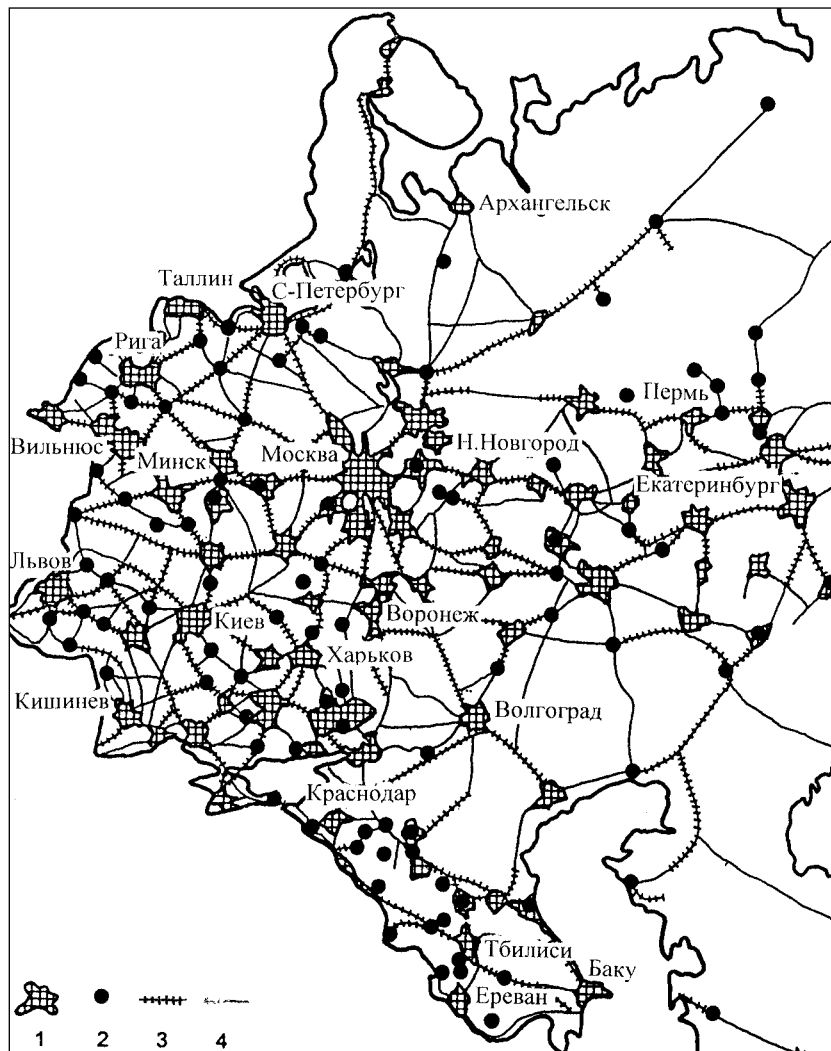
В России примечательна концентрация крупнейших городов в Урало-Поволжье, среднем поясе, связавшем староосвоенную европейскую зону с районами более позднего и совсем недавнего освоения за Уралом. Здесь расположена четверть больших и половина городов-миллионеров России (7 из 13), треть городов-ЗАТО. Здесь выше всего доля населения, живущего в городах размером свыше 500 тыс. жителей. Стремительно выросли самые крупные из послевоенных новых городов, автомобильные столицы Тольятти и Набережные Челны. Урбанизация усилила скрепляющую роль Урало-Поволжья в территориальном устройстве России как евразийской державы. Оно широким

Таблица 2.4.3. Средние взвешенные на людность городов расстояния от 20 крупнейших городов до морских побережий и внешних рубежей в ряде стран мира

Страны и годы	Средние кратчайшие расстояния		
	до моря	до морской или сухопутной границы страны	
	в км	в км	в % к приведенному радиусу*
Российская Федерация, 1989	733	293	12,6
СССР, 1989	718	312	11,7
Российская империя, 1897	275	256	9,6
Германия, 1991	214	74	22,0
США, 1990	213	83	4,8
Канада, 1985	428	93	5,2
Бразилия, 1985	120	94	5,7
Индия, 1985	267	125	12,2
Китай, 1985	262	222	12,8

* Приведенный радиус — это радиус круга с площадью, равной площади данной страны. Расчеты А. И. Трейвиша.

Рис. 2.4.6. Демозкономический каркас Европейской территории бывшего СССР (автор А. И. Трейвиш)

1 — крупные городские и промышленные агломерации, 2 — большие города и значительные промышленные узлы, 3 — основные полимагистралы, 4 — прочие полимагистралы

фронтом сочленяет Запад и Восток России, связывает ее северные и южные районы. Это одна из «колониционных баз», о которых В. П. писал еще во время Первой мировой войны (В. П. Семенов-Тянь-Шанский, 1915, с. 425–458).

Кардинальные сдвиги в расселения привели к его *центростремительному сжатию*. Прежде достаточно равномерно распределенная по территории сеть городов утратила эту черту из-за формирования агломераций. По выражению Ж. А. Зайончковской, расселение стало пятнистым. «Пятна» соединялись набиравшими силу цепочками городов. Ареалы, концентрирующие основную часть городского и примерно треть сельского населения, соединительные цепи, а местами сплошные урбанизированные полосы определяют общую картину расселения в России в конце XX века.

В пределах Европейской России асимметрия расселения по направлениям Север—Юг и Запад—Восток урбанизационными процессами была несколько ослаблена, зато асимметрия типа центр — периферия на уровне крупных районов и регионов резко усилилась. Правда, есть и тенденция формирования «вторых городов», полицентрических сетей. Однако, во-первых, они не повсеместны (полноценные «вторые города» сформировались в 12 регионах, а в 7 существовали и ранее); во-вторых, по силе своего проявления они значительно уступали центростремительным процессам.

Сначала эти процессы определяли быстрый рост городов-центров. Позже их рост сопровождался развитием и ростом спутников, городских и сельских. *Насыщение ими зоны тяготения к городу-центру* усиливает его потенциал и отражает контактность центра с территорией, что особенно важно для столицы. Подобная насыщенность также может служить показателем конкурентоспособности города при обсуждении и решении вопроса о выборе или переносе столицы, а он в России имеет длинную историю.

Еще декабристы предлагали на эту роль Нижний Новгород. В Великую Отечественную войну основным дублером Москвы была Самара (тогда Куйбышев). После распада СССР, когда новые государственные границы приблизились к Москве на западе и ее положение по отношению к территории страны стало еще более эксцентричным, а также по мере роста неприязненности российской периферии к Москве, вопрос опять приобрел остроту¹⁴. А коли так, он требует внимания. Сперва сделаем два общих замечания. Во-первых, учтем, что перенос — дело очень дорогостоящее, и свежий опыт Германии это подтверждает. Во-вторых, на свете есть десятки крупных государств со столицей на самом краю. Да и Россия двести лет жила со столицей в Петербурге, расположенной в углу империи.

Что касается выбора, то он осуществляется из числа конкурентов путем сопоставления их преимуществ и недостатков. Здесь очень важен *коммуникационный аспект*. Столицей должен быть город, которому *удобно осуществлять связи со страной*. Его доступность для возможно большего числа городов и районов имеет огромное значе-

¹⁴ Вот пример прогнозного суждения: «Придет время, когда Москва утратит свое „срединное“ значение, станет недостаточной в геополитическом смысле, слишком „западной“. И тогда вопрос о Новой Столице в Сибири получит не просто общегосударственное, но общекионтинентальное, общемировое значение» (Дугин, 1999б, с. 928).

ние, и важнее не сами расстояния, а затраты времени на их преодоление. Очевидно, что в этом отношении Москва оснащена наилучшим образом. Колоссальная централизация административной и хозяйственной жизни в России и СССР дает действующей столице и колоссальные инфраструктурные преимущества. Ее разветвленный транспортный узел (13 автомагистралей, 11 железнодорожных, 4 основных гражданских аэропорта, порт пяти морей) не имеет равных в стране. Это делает связи Москвы со странами и регионами наиболее удобными, эффективными и надежными.

Важен и расселенческий аспект. Москва находится в центре главного в России ареала концентрации городов, а значит и экономики, науки, техники, образования, культуры, в центре ареала с колоссальным человеческим потенциалом. В радиусе 500 км вокруг Москвы, на 735 тыс. кв. км (18% территории Европейской России), собрано 320 городов (немногим менее 30% всех городов страны). Ни один из потенциальных претендентов на столичную роль не имеет сколько-нибудь близких показателей. И пока ситуация не изменится, чего в обозримом будущем не предвидится, серьезных конкурентов у Москвы быть не может.

Вместе с тем повторим: города, созданные и выросшие в ходе урбанизации, сильно изменили территориальную организацию страны. И хотя они не свободны от недостатков, но в совокупности обладают мощным потенциалом и в состоянии стать точками роста, так необходимыми современной России.

Новейшие тенденции в расселении (1989–1998)

Начало реформ породило надежды на то, что слом командно-административной системы, устранение ведомственных барьеров, развитие местного самоуправления, рынка и другие процессы, связанные с демократическими преобразованиями, придадут городам и их системам новые импульсы к саморазвитию и большую свободу. Многие полагали, что цена на землю приобретет значение регулятора, способствуя более рациональному использованию ценной городской и пригородной территории, естественной перестройке функциональной структуры городов, освобождая большие города от несвойственных их рангу производств и увеличивая эффект агломераций.

Какие-то сдвиги в этих направлениях действительно происходят, но весьма выборочно и в скромных размерах. Общие тенденции вызывают тревогу, свидетельствуя о том, что надежды на быстрые прогрессивные преобразования не оправдались. Эволюция расселения, которая на протяжении всего XX века демонстрировала удивительную способность пробивать себе дорогу сквозь всяческие потрясения, сейчас подвергается новым испытаниям. Длительный спад экономики бьет по народнохозяйственному потенциалу множества городов, разваливает их социальную сферу. Расслоение общества, нарастающие контрасты в положении самых богатых и самых бедных так же чреваты социальными взрывами. Обнищание и социальная патология (прежде всего рост преступности) отбрасывают страну в прошлое. Над Россией нависла угроза деградации, демодернизации.

Многие новые тенденции, начиная с 1992 г., стали отрицанием прежних, казавшихся долговременными и устойчивыми. Наступил перелом в динамике городского и сельского населения: рост численности горожан сменился спадом, а сельское население после долгого сокращения стало увеличиваться. Правда, определенную роль в этом сыграла своего рода «административная рурализация» (выражение А. Алексева и Н. Зубаревич): за 1991–98 гг. в Европейской России в сельские населенные пункты было преобразовано 168 пгт с общим числом жителей почти 620 тыс. чел.

Прежний приоритетный рост больших городов сменился неустойчивой динамикой их людности. В целом можно сказать, что их рост прекратился. Если в прошлом они неуклонно поднимались вверх по иерархической лестнице, то теперь могут и опускаться по ней вниз. В частности, вообще из числа больших выпали: Воркута, Жуковский, Кирово-Чепецк и Кузнецк. Накопленный десятилетиями многогранный потенциал больших городов недоиспользуется и даже сокращается в своих наиважнейших составляющих — науке, культуре, проектно-конструкторской деятельности.

Затормозились агломерационные процессы, причем на довольно низких отметках. Доля спутников в общей численности населения крупных агломераций России составляет примерно 30%. Это в два раза ниже, чем в метрополитенских ареалах США.

Хотя общее число городов Европейской России продолжает расти, заметно снизилась интенсивность их образования. В последние годы образование новых городов чаще бывало следствием инерции процессов предшествующего периода. В 1994 г. произошла легализация городов — закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). С 1995 г. они появились в статистических справочниках, хотя возникли десятилетия назад; самые старые — сразу же по окончании Великой Отечественной войны и с началом войны холодной. Сходит на нет и образование новых пгт, которые обычно поставляли «кандидатов в города» (табл. 2.4.4).

Совершенно новое явление — преобразование пгт в сельские поселения, начиная с 1991 г. ставшее рутинным (табл. 2.4.5). Причины тут неоднозначны. Видимо, сказались льготы для жителей сельской местности и надежды на получение земельных наделов. Обращает на себя внимание неравномерность процесса. Одни субъекты РФ им почти не затронуты, в других он приобрел необычайный размах. Так, в Карелии число пгт за последние семь лет сократилось в 4 раза, а в Усть-Ордынском автономном округе после соответствующих преобразований 1992 г. не осталось ни одного городского поселения, не исключая и административный центр. Размеры поселка на решение о его преобразовании в сельское поселение не влияли. Даже крупные пгт с людностью, позволявшей им получить статус города, к тому же районные центры, тоже становились селами. Например, в 1992–1993 гг. в Ростовской области стали селами пгт Багаевский (14,1 тыс. жит.), Зимовники (16,7), Орловский (17,8), Матвеев Курган (14,1 тыс. жит.), в 1997 г. — пгт Холмский (17,5) в Краснодарском крае.

Произошло расслоение городов на «фаворитов» и «неудачников»¹⁵. Первых меньше, большинству трудно адаптироваться к переменам, и они просто выжидают, не проявляя активности и способности влиять на события. В особенно трудном положении оказались

¹⁵ См. главу 2.7.

Таблица 2.4.4. Образование городов и поселков городского типа в Европейской России в 1989–1998 гг.

Годы	Города		Поселки городского типа	
	Число новых городов	Численность их населения в год образования, тыс. чел.	Число пгт	Численность населения (тыс. чел.)
1989	4	120,1	12	50,7
1990	5	93,6	7	31,8
1991	5	84,4	4	20,0
1992	1	17,5	6	27,7
1993	1	15,9	–	–
1994	1 + 14*	17,7 + 619,9*	3 + 11*	8,8 + 97,7*
1995	–	–	3 + 1*	13,5 + 2,5*
1996	2	26,6	–	–
1997	1	22,8	2	2,8
1998	4	94,9	1	1,2
1989–1998	24 + 14*	493,5 + 619,9*	38 + 12*	156,5 + 100,2*

*ЗАТО

Таблица 2.4.5. Преобразование поселков городского типа в Европейской России в сельские населенные пункты (1991–1998 гг.)*

Годы	Число	Численность населения (тыс. чел.)
1991	21	92,5
1992	41	220,6
1993	10	51,0
1994	32	64,1
1995	20	66,6
1996	12	37,1
1997	18	55,9
1998	14	30,8
1991–1998	168	618,6

* В 1989–1990 гг. в Европейской России подобных преобразований не происходило.

две многочисленные категории. Первая — города глубинки, удаленные от крупных центров и магистралей. Их упадок связан и с развалом обслуживаемого сельского хозяйства. Вторая категория — монофункциональные промышленные центры: текстильные, угольные, горнорудные. Узкая специализация «городка одного завода» отнимает у него свободу экономического маневра. Остановка предприятия-кормильца лишает работников зарплаты, а городской бюджет налоговых поступлений. Реформаторы не учли обилия таких городов как важную особенность российской действительности. А ведь для них социальные последствия экономического спада были просто губительны.

В лучшем положении большие многофункциональные города. Многообразие функций, концентрация предприимчивых людей, выгоды географического положения, свойства среды сыграли положительную роль, снабдив эти города наилучшими (по сравнению с другими) стартовыми возможностями. Тут и произошли наиболее заметные изменения, особенно в непроемкой сфере, включая высшее образование (возникновение новых типов негосударственных вузов и др.), издательскую деятельность и вообще сферу информации, различные услуги. Большие города оказались привлекательными и для инвестиций, в том числе зарубежных. Вместе со своими спутниками, среди которых немало наукоградов, они могут сыграть роль локомотивов, которые соборно вытащат страну из экономической пропасти.

Незавершенность урбанизации в Европейской России

Урбанизация в Европейской России и тем более во всей России не завершена. Процессы переходного периода остановили ее на полдороге (см. главу 2.6). По-прежнему страна испытывает дефицит городов, в том числе больших, способных стать лидерами отраслевого и регионального развития. Многим еще нужно привести свою градообразующую базу в соответствие новым условиям, сделать ее более разнообразной, развить рыночную инфраструктуру, полнее использовать выгоды географического положения, улучшить городскую среду, поднять уровень жизни обитателей и сделать их истинными горожанами.

Незавершенность урбанизации проявляется и в состоянии опорного каркаса — как его транспортной, так и урбанистической составляющих. После распада Советского Союза стало целесообразным усиление транспортных магистралей от Москвы на Северный Кавказ через Воронеж. Давно ощущается потребность в создании удобной прямой железнодорожной связи между Европейским Севером и Уралом. Транспортный каркас также улучшат создание прямого выхода на запад из Центрального Черноземья, завершение Заволжской рокады и Предуральской рокады. Возникла потребность в сооружении новых портовых комплексов на Балтике, Черном и Азовском морях, на Северном Ледовитом океане.

Дальнейшее освоение ресурсов Европейского Севера (Кольский и Тимано-Печерский регионы, арктический шельф) выдвигает проблему рационализации урбанистического каркаса. Нежелательность создания крупных поселений у мест добычи полезных иско-

паемых в экстремальных природных условиях заставляет прорабатывать идею развития городов — плацдармов освоения и мест переработки северного сырья, расположенных на подступах к собственно сырьевой зоне. Полоса таких плацдармов может сформироваться по линии Петрозаводск — Вологда — Котлас — Сыктывкар — Соликамск.

При развитии урбанистического каркаса следует думать об ослаблении негативных последствий центростремительности, приведшей к господству моноцентризма во многих регионах. Раньше областей, где издавна существовал «второй город», было 7–8 (Псковская, Ивановская, Ярославская, Тамбовская и ряд других). К настоящему времени формирование «второго города» дало значительные результаты в более чем десяти регионах (Набережные Челны в Татарстане, Дмитровград в Ульяновской области, Старый Оскол в Белгородской, Новомосковск в Тульской). В других появились кандидаты на эту роль (в Архангельской области — Котлас, в Брянской — Клинцы, в Курганской — Шадринск, в Воронежской — Борисоглебск, в Чечне — Гудермес). Примечательно, что в качестве подобных кандидатов нередко выступают города-новостройки.

Урбанизация как средство создания полноценной городской среды и рационального территориального устройства России необходима. Направления ее дальнейшего развития обусловлены потребностями страны и соответствуют географической логике. Однако условия коренным образом изменились (см. главу 2.6). Если раньше урбанизация без затруднений удовлетворяла свои потребности в людских ресурсах, поскольку в России существовал демографический достаток, то потом пришло время острого демографического дефицита. В частности, сельская местность, долго поставлявшая население в растущие города, делать это в прежних масштабах уже не в состоянии.

Отсюда следует непреложный вывод: *развитие урбанизации, трансформация городов могут осуществляться лишь на высококачественной основе*. Только высокие технологии на производстве, прогрессивная функциональная структура городов, эффективные системы расселения, полноценная городская среда и — самое главное — *высокое качество самого населения — человеческий потенциал* — обеспечат успешное решение этой задачи.